

На сборах

Теперь я часто прохожу мимо дома № 16 по Гоголя. До войны здесь было шумно и весело. Студенты перебегали из одного учебного корпуса в другой. А в дни войны этот дом полностью выгорел: пустые окна, пустые покрасневшие от пожара стены. До войны это был второй учебный корпус нашего тогда Индустриального, а теперь политехнического института. На втором этаже над воротами маленькое оконце — там находился Кабинет режущих инструментов, которым заведовала моя мать Полина Захаровна Короб.

В мае 1941 года дипломников собрали на военные сборы в Чабанке. (Их тогда готовили на командиров-артиллеристов.) Оттуда они вернулись загорелые, отъевшиеся и, весело смеясь, рассказывали моей маме, что ни одного снаряда не уложили в цель. Через месяц они все остались лежать под Одессой и Севастополем. Нашими преподавателями были те из них, кто случайно уцелел.

Тогда, после войны, я дал себе клятву, что буду так изучать военное дело, что если понадобится (не дай Бог!), я не буду неумехой...

Сдана летняя сессия. Наша колонна проехала через весь Николаев и сейчас миновала северную его околицу. Семь грузовиков ГАЗ-63 катились с дистанцией в 15 метров, и уже мимо нас проскакивали какие-то бараки хутора Солганы. Под мостиком вилась маленькая речушка, левый приток реки Южный Буг. А вот и Терновка, военный лагерь, где мы должны проходить сбор после второго курса института.

Машины проехали по фруктовому саду и замерли на плацу, борт к борту.

— К машинам! Становись!

Мы повыпрыгивали из машин и быстро построились. Машины уехали, а перед строем стоял незнакомый подполковник и командовал нами. За ним стояли наши офицеры с военной кафедры, группа старших лейтенантов и сержантов.

"Я начальник сбора. Начальник учебной части сбора подполковник Гриценко (наш!). Офицеры-преподаватели: майор Вывиорковский — тактика и топография (наш!). Подполковник Фондорат — огневая и матчасть (тоже наш!)". И он представил остальных старших офицеров. Потом начал называть командиров взводов.

"Командир первого взвода — старший лейтенант Миллер". И даль-

ше — всех семь. Нам фамилия нашего командира не понравилась. Недавно окончилась война, и у каждого из нас были свои претензии к немцам. Назвали сержантов — командиров отделений. После всех представили старшину сбора — старшину Косенкова, который сразу же начал командовать: нужно было всех переодеть и накормить.

Первым был, конечно, первый взвод, потом — остальные. Нам выдали гимнастерки и штаны "б/у — 3", майки, трусы, ботинки и обмотки. И еще пилюльки со звездой, ремни и малиновые погоны с танковыми эмблемами. Этих эмблем давно нет: их заменили на новые в 1953 году. Малиновые погоны означали "танковый батальон механизированного полка". Посмотрели мы друг на друга и ахнули! Кое у кого оказались кавалерийские ноги и другие неожиданности. Пока мы это все переживали, в шестом взводе одного студента не смогли переодеть: он был ростом под два метра, и ноги у него были 48 размера! Старшина ругался: "Елки-палки, понимаешь ты!". (Старшина Косенков был волгарь.) Пришлось несчастному Гулливеру щеголять в своем.

Наконец все были экипированы, и мы отправились строем в столовую.

Первый день ушел на ознакомление с лагерем и устройство на новом месте.

Перед отбоем командир взвода повел нас в "класс". За палатками в земле были вырыты несколько канавок для ног. Все сели, опустив туда ноги. Напротив, в маленьком окопчике, лицом к нам сидел старший лейтенант. Он сказал:

— Вам не понравилась моя фамилия? Это обычная еврейская фамилия, и я не немец!

Нам сообщили, какие нас ждут занятия, что можно и чего нельзя в нашем новом положении. Старший лейтенант был невысокого роста, под гимнастеркой чувствовались развитые мышцы и, что удивительно, седая голова! А ведь по виду он был лет на пять-шесть старше нас. Оказалось, наш командир — лучший спортсмен нашей части. Он мастер спорта по нескольким дисциплинам: легкая атлетика, борьба, плавание. Первый разряд по стрельбе. А у нас — свой мастер спорта, Дима Анельчик! Невысокий, худощавый. Он работает "верхним" в четверке акробатов. Выяснили, кто еще спортсмен-разрядник. Время быстро пролетело. Вот нас строем повели на вечернюю прогулку. Вечерняя поверка и отбой. Каким длинным оказался этот день в лагере!

Утром нас разбудила труба. Оказывается, один из студентов, игравший в институтском эстрадном оркестре, Аркадий Шойхет, взял свою трубу, и теперь он будет подавать сигналы. Кстати, в каждой учебной

группе были свои сержанты-фронтовики. Они пришли на свои погоны лычки из белого галуна. Только один смог пришить старшинские "молотки". Это был старшина Шойхет.

В 1949 году количество фронтовиков, поступавших в институт, уменьшилось. Но почти в каждой учебной группе были офицеры: лейтенанты, старшие лейтенанты и даже капитаны. В группе механиков-технологов даже был майор, майор Кальян. На перерывах он уединялся, был нелюдим. У него было такое выражение лица, что мы боялись его. Боялись спросить о чем-нибудь, боялись нарушить его уединение. Мы были молоды и со всеми были запанибрата, но с ним обращались только на "вы". Он не был отличником, но учился на "хорошо" и "отлично". Когда праздновали 20-летие нашего выпуска, его не было, но от него пришло письмо.

"Дорогие мои юные друзья! Я счастлив, что был рядом с вами и проживал вашу юность! Мне довелось быть там, где никто не выживал, откуда никто не возвращался. Мои товарищи все там остались. Судьба дала мне жизнь взаймы на время. Сейчас пришла очередь платить по счету. Я прикован к койке и почти недвижим. Но спасибо вам за все. Живите счастливо! Прощайте! Ваш Кальян".

Это письмо мы читали стоя, все плакали...

Пока мы делали зарядку, солдаты успели около нашей палатки вкопать столб, на котором красовалось расписание занятий на текущий день. Там были строевая подготовка, огневая, тактика, обслуживание матчасти, связь, топография и многое другое. Сигнал трубы — и мы маршируем на завтрак. Новый сигнал — и начались занятия.

Каждый день два часа строевой под командованием командира взвода. Вскоре начались стрельбы. Лучше всех стрелял Врублевский из шестого взвода — у него первый разряд по пулевой стрельбе. Вторым был Олег Савичев из второго взвода. Я был в первой десятке.

После обеда строем шли купаться на речку. В нашей группе многие студенты пели в институтском хоре. Сейчас они стали запевалами первого взвода. Самым веселым запевалой был Эдик Птичкин, или, как его звали наши студенты-армяне, Цитыкян. Вообще, в группе армян было трое, и они перевели все наши фамилии. Моя фамилия по-армянски звучала Кобахян.

Итак, первый взвод начал петь в строю. Кроме Эдика пели Толик Вулихман, Марик Розенфельд и другие. Мы пели, что "сегодня в доках не дремлют французы", на три голоса звучало лермонтовское "Бородино" и по-украински — "Ой, чула!".

После отдыха снова занятия.

Стояла жестокая жара. У меня обгорели мочки ушей, щеки и лоб. Только на лбу белел треугольничек от пилотки.

Рядом с нашим расположением находились палатки другой части. Перед палатками, за генеральской линейкой, стояла маленькая беседочка — "знаменная сошка". Там на Посту № 1 день и ночь стоял часовой у Знамени части. Как только мы это узнали, потянулись наши (конечно, не фронтовики), чтобы приветствовать боевое Знамя.

Самые трудные занятия были по тактике. Майор Вывиорковский командовал: "Обозначьте выдвижение танкового взвода на дальнюю дорогу!".

Сержант, командир отделения, тоже командовал: "Один экипаж на дальнюю дорогу МАРШ!".

И четыре солдата (студента) бегут так, как если бы они находились в танке: впереди — водитель, слева за ним наводчик, за ним командир машины, и правее — заряжающий. А солнце жарит, мокрая гимнастерка прилипла к спине, и занятия продолжаются!

Ночью первый взвод подняли по тревоге. Новолуние. Темно. Только гигантские звезды над нами. Нас разбили на пары. Всем выдали компасы Адрианова и электрические фонарики. Из темноты появился майор Вывиорковский. Он каждой паре выдал бумажку с записью азимутов и дистанций. Теперь понятно — ночное ориентирование! "Внимание! Марш!" Каждая пара получила свое задание и действует самостоятельно.

Я днем чего-то сделал табличку для перевода метров в пары шагов. Сейчас она очень пригодится. Первый азимут устанавливается на компасе, и я бегу по первой дистанции. Готово! Подзываю своего напарника, одного из самых толковых студентов нашей группы, Арарата Геворкяна. Отрабатываем второй азимут. И так далее, все шесть поворотов. Стоим рядом с напарником и зажигаем фонарик. Появляется майор Вывиорковский. Проверяет, туда ли мы вышли. Тут же и старший лейтенант Миллер. "Отчего они так рано?" — "Раньше всех выполнили упражнение. Запишите: Коробу — четыре. Отставить, пять! Он инструктор туризма! (В то время я был только младшим инструктором.) Можете отправляться спать!" И мы с напарником Араратом идем в палатку досыпать.

Утром оказывается, что только сейчас пришла измотанная последняя заблудившаяся пара. Они ночью чего-то вышли к Южному Бугу и никак не могли попасть в свое расположение. Да, топография серьезная наука!

Один день за другим. Каждый несет что-то новое. Подполковник Фондорат командует установлением радиосвязи в роте. Работают 10 радиостанций Р9. В то время было по одному радиийному танку на

10 машин, но мы готовились к лучшему времени, когда все танки будут радиофицированы.

Однажды в конце сборов мы шли строем на речку. Пришли. Гимнастерки белые от соленого пота. Я начал снимать свою гимнастерку, взявши ее сзади у рукавов, а она лопнула от одного рукава до другого. Стал я думать: зашивать ее или купаться? Времени было мало. Как ни манил водный стадион с вышками для прыжков и трибунками для соревнований по плаванию, а пришлось достать из пилотки иголку и нитки и заняться ремонтом. Только я зашил эту здоровенную дыру, как команда: "Становись!". Так и не пришлось искупаться!

Идем по дороге. Нами командует сержант — командир первого отделения. Вдруг перед нами появляется генерал с "Золотой Звездой", а за ним какой-то старший офицер. Это — замкомандующего округом генерал Пухов! Подзалетели! Генерал:

— Остановите взвод! — это он сержанту.

Посмотрел на нас сердито и говорит:

— Кто из вас умеет подать команды взводу? Вот вы!

А наш парень растерялся, хлопает глазами.

— Вы!

На этот раз попался я! Кое-как подал с десяток команд.

— Вы!

Следующий (это был Глеб Добринский) назвал больше. Прибежали старший лейтенант Миллер и кто-то из наших старших офицеров-преподавателей. Представились. Генерал теперь приказал командовать ребятам из второго взвода. Тут подошел взвод с нашим Гулливером. Генерал изменился в лице.

— Это что еще такое? Немедленно переодеть!

Ему докладывают, что такого размера формы нет на складе.

— Немедленно пошить! Что, там, в швальне, шить разучились?

Заодно досталось и тем, у кого были порваны гимнастерки.

К концу дня Гулливер ходил в новой форме, но почему-то черного цвета. Ботинок нужного размера так и не нашли. Пришлось наматывать обмотки на туфли. Кстати, мы в этот день узнали, почему у старшего лейтенанта Миллера белая голова.

Вечером мы со своим комвзвода сидели в "классе". Я уже не помню, о чем говорили, но друг Анельчика Вадик Подзелинский вдруг задает вопрос:

— Товарищ старший лейтенант! А почему вы седой?

И смотрит так невинно, как будто он не знает, что такой вопрос неприличен. Мы в шоке! Старший лейтенант Миллер вроде бы не слышал. Он повернул голову и молчит, потом смотрит на нас и начинает рассказывать вот так:

— Я родом отсюда, с Украины. Война нас с матерью забросила в Башкирию, в Стерлитамак. Там было много одесситов: станкозавод имени Ленина и другие эвакуированные заводы. Отец на фронте. Сначала я продолжал учиться в школе, но в 42-м начал работать на оборонном заводе. Сразу стало легче с продуктами — рабочая карточка на 800 грамм хлеба. Хлеб — сверху подгорелая корка, а внутри — черная замазка. Продуктовую карточку не всегда полностью отоваривали. То же и с промтоварной. На заводе, если перевыполняешь норму, дадут буханку или талоны на УДП (усиленное дополнительное питание). Смена продолжалась 10-12 часов. Было много пацанов от 15-ти лет. Зимой мы не шли домой, а оставались ночевать в цехе и спали на ветоши или на ящиках. В 43-м пришла похоронка на отца. В январе следующего года меня мобилизовали.

Вообще, оборонные предприятия давали броню, но тогда что-то поменялось, и многих призвали. Я попал в учебный полк, и меня стали готовить на механика-водителя среднего танка. Это из-за моего сравнительно небольшого роста. Через несколько месяцев нас повезли на Урал, на танковый завод. Там мы получили новенькие танки и эшелонам отправились на фронт.

Была весна. Все время шли наступательные бои. Темп был такой, что засыпали на ходу. Нам объявили, что если выбьем немцев из такого-то населенного пункта, будем отдыхать трое суток. Мы это сделали. И в отвоеванном пункте расположились отдыхать. Там в селе всю войну не было веселья, не было свадеб а тут... И пошли гулянки! Никто ни о чем не думал. Вдруг приказ: "К бою! Немцы прорвались!". Попрыгали в танки — и в бой!

Когда становились на отдых, никто не выполнил ежедневного обслуживания матчасти. Сейчас это почувствовалось. Вступили в бой. В самом начале боя бронебойный снаряд-болванка ударил по люку механика-водителя. Большой беды не наделал, но люк немного покорежился и не открывался. Плюнули на это и поехали дальше на третьей скорости. Стреляли из пулеметов ДТ и из 85-миллиметровой пушки ЗИС-Ф. Немцы пытались нас остановить. Стреляли по площади шестиствольным минометом "Ванюша". Танки шли вперед. Вдруг по моему танку выстрелили фаустпатроном. Это такой ручной реактивный снаряд с кумулятивной головкой. В броне сразу появилась дыра. Танк начал гореть. Командир кинулся

к верхнему башенному люку и ухватился за его ручки. Это было все, что ему удалось сделать. У него был вырван кусок живота, и он сразу умер.

Танк горел. Заряжающий сообразил: снарядом, который он держал в руках, зарядить пушку. У него сразу освободились руки. Теперь он попытался разогнуть пальцы рук командира, но они задубели и не двигались. Танк горел. Я хотел его остановить, но под тяги управления что-то попало, и скорости не переключались. Я кое-как врубил горный тормоз. Мотор работал, но танк теперь стоял на месте. Заряжающий опять пытался снять пальцы командира с рычагов люка. Опять не вышло! Тогда он достал финку и начал ею отгибать пальцы командира. **ТАНК ГОРЕЛ!** Еще немного, и боекомплект взорвется! Тогда заряжающий ударил финкой по пальцам командира, дернул за ручки — люк открылся. Тело командира он выкинул в открытый люк и выпрыгнул следом. Я кое-как пролез со своего места и тоже выпрыгнул за ним.

Старший лейтенант Миллер опять посмотрел вбок. В соседнем "классе" о чем-то шумно спорили. Мы тихо сидели под влиянием неожиданно рассказа. Командир повернулся к нам и продолжил.

— Мы оказались в небольшой ямке. Рядом от работающего двигателя вздрагивал горящий танк. Надо было убираться — в любую минуту он мог взорваться. Неподалеку лежал труп командира, а вокруг свистели пули и снаряды. Перед боем всем объявили, где будет располагаться СПАМ (сборный пункт аварийных машин). Туда мы и отправились — где перебежками согнувшись, а где и в рост. СПАМ был развернут у небольшого лесочка. Пришли, доложили. Приказали отдыхать, а сами направили дозор к месту, где мы оставили танк и командира.

Мы сидим, пьем воду. Вдруг я вижу — нас окружают наши автоматчики. "Сдать оружие!" Мы ничего не понимаем, но достаем револьверы и отдаем. (Личное оружие танкистов — не пистолеты, а револьверы.) Нас куда-то ведут. С нас сняли ремни. Привели... Там с нами с пистолетом в руках на повышенных тонах разговаривает какой-то офицер. Мы поняли, что попали в "СМЕРШ". Все время контрразведчик повторяет: "Где танк? Где ваш командир?". Уже ночь, а он все повторяет: "Где танк? Где ваш командир?". Я понял, что танк куда-то уехал. (Он, очевидно, снялся с горного тормоза при близком разрыве.) Как сказал особист, вместо маленькой ямки там была большая воронка от снаряда.

Была темная ночь. Контрразведчик вызвал караул. "Утром мы вас расстреляем!" Нас завели в какую-то каморку, где мы всю ночь не спали. На-

стало утро. Послышался голос: "Выходи!". Выходим. "Свободны!" Офицер из "СМЕРШа" показывает нам бумагу, рапорт командира стрелкового полка, в полосе наступления которого двигались наши танки:

"Атака нашей части захлебнулась, напоровшись на вражеский дот. Попытка обойти его справа или слева не удалась. Стрелки залегли. Вражеская артиллерия их губила. Но тут танк, башенный номер 123, объятый пламенем и стреляющий из орудия и обоих пулеметов, выскочил и наехал на вражеский дот. Танк взорвался, разрушив дот и открывая дорогу нашему наступлению. Воодушевленные подвигом танкистов, стрелки вырвались вперед и захватили населенный пункт К.

Прошу представить экипаж танка, башенный номер 123, посмертно к высокому званию Героев Советского Союза.

Командир полка такой-то".

Мы пошли к себе в часть. Пришли. Стали мыться. И вдруг увидели свое отражение в воде...

В тот вечер наш взвод не пел строевых песен.

